

En s'efforçant de tracer des perspectives „génétiques“, l'auteur puise partiellement dans certaines sources plus anciennes, p. ex. en interprétant les particularités du vocalisme occidental. Il n'oublie pas d'étudier les principaux problèmes d'aréologie en parlant de la dynamique et des tendances de stabilisation du système (polymorphisme, précipités polymorphiques) utilisant au maximum les données de l'atlas.

L'oeuvre de M. J. Allières réunit toutes les qualités d'un travail d'une haute rigueur scientifique: examens attentifs des matériaux cartographiés fondés sur une enquête minutieuse, statistiques précieuses, exécution scrupuleuse des cartes, manière bien réfléchie de formuler les hypothèses ainsi que des suggestions méthodologiques novatrices. Elle représente un précieux apport à la linguistique romane contemporaine. En tâchant de „briser avec la pratique traditionnelle qui consiste à publier de tels matériaux... sous forme de listes jointes aux cartes lexicales“ (cf. p. 1), il propose une nouvelle conception dans l'examen des faits linguistiques envisagés dans leur développement spatial. Les résultats qu'il a atteints justifient d'une façon absolument convaincante les méthodes de la géographie linguistique, méthodes qui obligent le chercheur à ne pas travailler uniquement dans les bibliothèques, „en chambre“, mais le situent directement au contact des réalités. Le travail long, patient et difficile de M. J. Allières est couronné d'un résultat très heureux: traçant des limites de ce qu'il faut faire en examinant les faits linguistiques du point de vue de la géographie linguistique, il répondra à l'attente de tous ceux qui s'engagent ou s'engageront sur la même voie.

Marie Fialová

Леонид Иванович Ройзензон: Лекции по общей и русской фразеологии (учебное пособие), Самарканд 1973, 221 стр.

Советский русист и славист Л. И. Ройзензон, профессор Самаркандского государственного университета им. А. Навои, рассматривает в своей книге теоретические вопросы общей фразеологии и сложную проблематику фразеологизмов в русском языке. Предлагаемому учебному пособию предшествовал ряд работ, в которых исследуются вопросы морфологии, синтаксиса, ономастики и фразеологии. Исследования автора направлены не только на русский язык, но и на чешский, словацкий и верхне-лужицкий. Большое внимание он уделяет синтаксису. Из этой области можно упомянуть, напр.: „*Из исторического синтаксиса чешского языка*“ (Слав. сб., Самарканд 1958, 131—163), „*K časovému souvěří v dnešní češtině*“ (SaS 20, 1959, 10—18), „*Новые союзные образования в словацком литературном языке*“ (JC 11, 1960, 32—36), „*O revnej funkcji spojníka abo v jazyku górnołužickým*“ (PorJ 1960, 161—166), „*Придаточные уступительные предложения в верхне-лужицком языке*“ (Слав'яньске мовознавство 15, 1962, 178—197), „*K генезису сложного предложения*“ (Otázky slovanské syntaxe, Praha 1962, 245—257), „*Влияние морфологических и семантических факторов на формирование и стабилизацию синтаксических структур*“ (На материале частично фразеологизированных конструкций чешского, словацкого и польского языков — Otázky slovanské syntaxe II, SFFBU, Brno 1968, 253—261). К морфологическим исследованиям P-a можно отнести: „*Некоторые группы возвратных глаголов в русском языке и их эквиваленты в чешском языке*“ (RJ 11, 1960/61, 108 п.), „*О глаголах с двумя приставками в современном чешском языке*“ (Труды Самаркандского ун-та, вып. 130, Слав. сб. 2, 1963, 62—67), „*Глаголы со вторичной приставкой на- в современном чешском языке*“ (там же, с. 68—87), „*О многоприставочных глаголах русского языка*“ (RJaS, 1966, 6, 87—95). Вопросы ономастики посвящены: „*Исследования по русской поэтической ономастике*“ (Опоз 10, 1965, 271 п.), „*Исследования по русской поэтической ономастике*“ (там же 11, 1966, 365 п.). В нескольких работах рассматривается предмет фразеологии: „*О некоторых специфических разрядах народно-разговорных фразеологизмов чешского языка*“ (StSlH 6, 1960, 203 п.), „*Русские фразеологизмы и субстантивированные прилагательные*“ (Труды Самаркандского ун-та, вып. 118, 1962, 15—30), „*О фразеологической контаминации в русском языке*“ (RJaS, 1969, 3, 104—107 — соавтор И. В. Абрамец).

Предлагаемая книга представляет собой первую часть переработанного спецкурса, который читался автором на протяжении нескольких лет. Состоит она из двух частей: общей и специальной (чисто русистской). Первая часть („*Теоретические проблемы фразеологии*“, с. 4—165), содержит три главы. Первая глава („*Современные фразеологические концепции*“, с. 5—76) состоит из одиннадцати разделов. В ней дается крити-

ческий анализ всех наиболее существенных современных систематизаций фразеологизмов (Н. М. Шанского, В. Л. Архангельского, А. В. Кукина, И. И. Чернышевой, Н. Н. Амосовой, В. П. Жукова, А. М. Бабкина, А. И. Молоткова, Т. Г. Тагиева, Д. Н. Шмелева, И. А. Мельчука, М. М. Копыленко). Анализ отобранных автором для обзора концепций носит преимущественно критический характер. Р. считает, что только такой подход может объединить современные фразеологические теории и создать базу для выработки единой общей системы.

Какое место в языке занимают устойчивые словесные комплексы и какова их сущность — все эти вопросы анализируются во второй главе („Фразеологизм как единица языка“, с. 77—119). Р. различает полную фразеологизацию (когда процесс фразеологизации полностью завершен) и неполную (частичную) фразеологизацию (1 раздел „Сущность явления фразеологизации. Типы фразеологизаций“, с. 82—100). Вполне оправданным и целесообразным Р. считает ограничение лексических фразеологизмов от синтаксических. Сам он, однако, признает, что не всегда удается провести четкую грань между ними. На основании своих наблюдений пытается выделить несколько типов фразеологизаций: 1. Собственно лингвистический тип фразеологизации (наиболее распространенный тип, происхождение данного оборота можно объяснить всегда чисто лингвистическими факторами, напр. *шурить глава, иметь голову на плечах, потерять место*). 2. Логико-синтаксический тип фразеологизации (пословично-поговорочные выражения, их образование нельзя объяснить никакими семасиологическими процессами). Они возникли благодаря реализации тех или иных логических фигур, облеченных в форму конкретных синтаксических построений, характерных для данного языка (в русс. яз.: *сапожник без сапог*, в турецком: *у меховщика шубы не хватает*, в вьетнамском: *у кузнеца никогда нет хорошего ножа*...). 3. Экстралингвистический тип фразеологизации (истоки находятся за пределами языка). Р. причисляет сюда такие выражения, которые в своей семантике сконденсировали содержание различных словесно-художественных произведений малой формы (анекдоты, сказки, рааного рода исторические факты, были и т. п., напр. в русс. языке: *на горе шапка горит; я не я и лошадь не моя*; в чешс. яз.: *já nic, já muzikant*).

Р. отличает два основных типа вторичной фразеологизации — внутрителивую и межстилевую („Первичная и вторичная фразеологизация“, с. 96—101). К внутрителивой вторичной фразеологизации он относит те случаи, когда на базе одного фразеологизма в пределах того же стиля образуются другие фразеологические единицы, напр. образование поговорки на базе пословиц (поговорка *если бы, да кабы* образовалась из пословицы). О межстилевой вторичной фразеологизации Р. говорит тогда, когда устойчивые словесные комплексы одной стилистической сферы служат для образования фразеологических единиц другой сферы (напр. *баба-яга, кощей бессмертный* и др. в фольклорной речи и в русс. литературном языке).

Основным признаком устойчивых словесных комплексов Р. считает фразеологическую воспроизводимость (2 раздел „Фразеологическая воспроизводимость как основной признак устойчивых словесных комплексов“, с. 101—119). Этим термином им обозначено такое свойство словесных комплексов, когда данный оборот выступает всегда в одном и том же устойчивом виде, будучи противопоставленный другому виду того же лексемосочетания. Р. указывает на то, что не все лингвисты понимают этот термин одинаково.

Автор рецензируемой книги отвергает теорию С. И. Ожегова „широкого“ и „узкого“ понимания фразеологии, введенной в научный обиход в 50-х годах. Он считает невозможным одновременное существование двух фразеологий.

Р. задумывается над частными проблемами тождества фразеологической единицы. Ее внутренняя граница названа им фразеологический осколок (это словоэлемент, оставшийся после его предельной редукции, напр. *кулички из черту на кулички*). Рядом с этим термином употребляет понятие фразеологический намек (это намек на известный носителям языка фразеологизм, напр. *что написано пером, не вырубишь топором*).

В научной литературе содержится много противоречивых суждений насчет проблематики пословиц и поговорок, крылатых выражений, сложных терминов и афоризмов. Этим устойчивым словесным комплексам посвящается третья глава („О некоторых разрядах устойчивых словесных комплексов и спораз об их фразеологической природе“, с. 120—165).

Пословицы и поговорки Р. называет составной частью фразеологии (1 раздел „Вопрос о пословицах и поговорках“, с. 120—131). Подобно этому же Р. причисляет

любое крылатое выражение к фразеологическому составу данного языка (2 раздел „*Вопрос о крылатых выражениях*“, с. 132—141).

Споры о сущности сложных терминов и номенклатурных обозначений и их отношений к фразеологии комментируются в третьем разделе („*Вопрос о сложных терминах*“, с. 142—156). Р. приводит сначала теории языковедов, являющихся противниками их фразеологической сущности, и вслед за тем перечисляются лингвисты, признающие фразеологическую природу этих словосочетаний.

Р. далее останавливается на выражениях типа *плац-палатка, фабрика-кухня, бой-баба* и т. п. (4 раздел „*Вопрос о фразеологически аппозитивах*“, с. 157—162). В научной литературе нет единого подхода к этим образованиям. Большинство ученых относит их к сложным словам. Р. называет приведенные обороты фразеологическими аппозитивами, обладающими свойством устойчивых словесных комплексов (т. е. фразеологической воспроизводимостью).

Первая часть учебного пособия заканчивается „*Общими выводами*“ (с. 163—165). В них дается краткий обзор того, что было высказано на предшествующих страницах.

Вторая часть книги, названная „*Вопросы фразеологии русского языка*“ (с. 166—217), разделена на четыре главы.

В первой главе („*Структура русской фразеологии*“, с. 167—183) обсуждается предмет структуры русской фразеологии. Фразеология русского языка состоит по Р. из трех пластов (1 раздел „*Основные фразеологические пласты русского языка*“, с. 167 до 180). Каждый пласт представляет собой замкнутую структуру, однако между ними нет жестких границ.

Первый пласт составляет т. наз. общенародная фразеология, вторым пластом является фразеология русских народных (территориальных) говоров, третий пласт образуют фольклорные фразеологизмы (т. е. выражения, свойственные диалектной речи, напр. *чистое поле, в тридевять царств*). Р. полагает, что пока слабо изучены многочисленные профессиональные и арготические системы русской фразеологии.

Далее Р. касается вопроса о количественном составе фразеологии русского языка (2 раздел „*Из лингвистических наблюдений над русской фразеологией*“, с. 181 до 183). Данную тему он оставляет пока открытой, потому что количественные границы русской фразеологии не были пока установлены.

Лексические особенности русской фразеологии рассматриваются во второй главе („*Наблюдения над лексическими особенностями русской фразеологии*“, с. 184 до 194). Сначала исследуются т. наз. некротизмы, т. е. слова, входящие в состав многих устойчивых словесных комплексов, но вне данных выражений они не встречаются (1 раздел „*Некротизмы в составе русских фразеологизмов*“, с. 184—189). Р. различает шесть типов некротизмов: 1. Лексические некротизмы (т. е. такие фразеологические единицы, включающие в себя слова, которые помимо этого выражения в русс. лит. языке отсутствуют, напр. *на корточках, спасу нет, ни зги не видать*). 2. Некротизмы-архаизмы или некротизмы-диалектизмы (напр. *несть числа, семо и овами, денчо и ношно*). 3. Некротизмы, являющиеся частью таких фразеологических единиц, которые включают в свой состав иностранное слово (напр. *пить на брудершафт, брать на цугундер*). 4. Некротизмы-неологизмы (напр. *на полном серьезе, шарашкина контора*). 5. Некротизмы, попадающие во фразеологические единицы, состоящие целиком из иностранных слов (напр. *сальто-мортале, модус вивенди, буги-вуги*). 6. Некротизмы, выраженные собственными именами (напр. *Базедова болезнь, Виттова язва, Варфоломеевская ночь*). Это понимание т. наз. некротизмов (т. е. „*мертвых выражений*“) можно считать во всяком случае проблематичным.

С лингвистической точки зрения еще не изучалась природа частотности лексем как фразеологических элементов. Р. приводит предварительные результаты своих исследований, сделанных на основании статистической выборки (2 раздел „*К изучению статистической структуры словоэлементов русских фразеологизмов*“, с. 190—194).

В третьей главе („*О понятии фразеологической парадигматики*“, с. 195—208) Р. приступает к обоснованию понятия „*фразеологическая парадигматичность*“. Он различает три типа фразеологической парадигматичности: 1. полная парадигматичность (ведущие компоненты фразеологизма — имена или глагол — обладают полной морфологической парадигмой, напр. *вывести в люди, дать обед, сделать предложение* — глагольные фразеологические единицы, *железная дорога* — фразеологическая единица именного типа); 2. неполная парадигматичность (данный словоэлемент в нефразеологическом виде выступает с неполной морфологической парадигмой, это его

свойство сохраняется за ним и в составе фразеологической единицы, напр. существует оборот *входить в моду*, но не употребляется *вхожу в моду*, или выражение *рогатый скот* употребляется только в ед. числе, наоборот, выражение *сиамские блинцы* употребляется только во мн. числе); 3. нулевая парадигматичность (т. е. неспособность устойчивых словесных комплексов к парадигматическим изменениям, напр. *волков бояться — в лес не ходить*, *цыплять по осени считают* — нулевая фразеологическая парадигматичность синтаксически самостоятельных единиц; *собственно говоря*, *сложив руки*, *трусливый* как *заяц*, *руки коротки*, *горе-горько* — нулевая фразеологическая парадигматичность синтаксически несамостоятельных единиц). В заключении настоящей главы Р. занимается сущностью полной и неполной парадигматичности.

Вопросы, которые до сих пор либо вовсе не рассматривались, либо изучались попутно с другими проблемами русской фразеологии (акцентуация и интонация, орфография и пунктуация, синтаксические особенности построения устойчивых словесных комплексов), анализируются автором в четвертой главе („Некоторые грамматические, интонационно-акцентологические и пунктуационно-орфографические особенности русской фразеологии“, с. 209—217).

К пособию приложен „Именной указатель“ (с. 218—221) всех упомянутых в книге языковедов.

В рецензируемой работе дается немного размышлений над сложными и нерешенными вопросами. Р. часто отсылает к другим авторам, решающим те же самые проблемы. Данная книга должна служить учебным пособием, но на наш взгляд она в известной мере перегружена многочисленными фактами и иногда слишком детальным истолкованием взглядов других лингвистов. Свои мнения, однако, автор приводит часто слишком сжато. Он определяет фразеологию как сравнительно новую лингвистическую дисциплину, считая свои выводы и положения только предварительными результатами своих многолетних изысканий. В учебном пособии указаны те вопросы, которые заслуживают более глубокого изучения. Анализируемые проблемы снабжены убедительными примерами, но, к сожалению, этот принцип проведен не везде последовательно. Есть места, где следовало бы проиллюстрировать излагаемый материал. Работа напечатана на литографе недостаточно четким шрифтом, и поэтому несколько затруднен процесс восприятия чтения. Рецензируемая книга является одной из попыток создать учебное пособие по общей и русской фразеологии. Она предназначена для студентов и аспирантов, но может также послужить руководством для всех, кто интересуется проблемами фразеологии.

Алеш Бранднер

В. А. Артемов: Метод структурно-функционального изучения речевой интонации. Москва, 1974 г.

Целый ряд современных исследований занимается различным подходом к изучению интонации русского языка. Она исследуется в теоретическом и методическом планах с привлечением данных артикуляторного, акустического и перцептивного аспектов.

Автор рецензируемого ротапринтного издания учебного пособия предлагает студентам и аспирантам педагогических факультетов изложение такого метода научного исследования интонации, при котором обеспечивается „получение надежных, экспериментально обоснованных фактов и закономерностей“. Сам автор отмечает, что данный способ познания вышеназванного суперсегментного языкового явления стал использоваться в СССР в 1927 г. и к настоящему времени получили широкое распространение, постоянно совершенствуясь, изучая звуковые особенности языков в фонетическом и психологическом планах.

Отмечаемое учебное пособие — это своеобразное теоретическое руководство, состоящее из 10 занятий, из которых три первых посвящены изложению принципиальных положений метода структурно-функционального изучения речевой интонации и алгоритму метода, т. е. указаниям последовательности отдельных операций при исполнении интонационного исследования (стр. 7—49). Следует отметить, что в части, обозначенной литерой А упомянутых трех занятий, автор дает исчерпывающее объяснение не только термина, но и явления „Речевой акустический сигнал“, включая его в коммуникативную сферу в качестве перевозчика информации и индикатора интонационной системы языка, затрагивая при этом вопрос параметров РАС: речевой артикуляции, акустического, перцептивного, языкового и смыслового звеньев речи и, наконец, речевого